

Кубанский писатель

В тот день, когда писатель утратит связь с действительностью, он перестанет быть таковым.

Габриэль Гарсия Маркес

№ 1(56)

январь
2012 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

Презентация книги «Василий Дворцов. Стихотворения»

В самый канун Рождества в художественной галерее «Сантал» прошла презентация изданной в конце 2011 года «Российским писателем» книги стихотворений Василия Дворцова, которого краснодарцы знали как ведущего современного прозаика, публициста и драматурга, секретаря правления Союза писателей России, лауреата различных литературных премий. В мероприятии приняли участие кубанские литераторы и художники, по поводу представляемой книги выступали председатель правления краевого отделения СП России Светлана Макарова, председатель Краснодарского отделения Союза композиторов России Владимир Чернявский, известные поэты Нелли Василинина и Вячеслав Динека, прозаик Владимир Полев и автор поэтических сборников, заслуженный адвокат России Юрий Иванов. Директор «Сантала» Нина Стрижова рассказала собравшимся о представленных полотнах художника Юрия Пономарёва, выставка которого «Снега России» проходила в эти дни в галерее. Зимние пейзажи пришлись по сердцу герою презентации, потому что живущий ныне в Москве Василий Дворцов родом из Сибири. Несмотря на холодный антураж, презентация новой книги проходила очень тепло. Высокие оценки поэтического таланта Василия Дворцова, данные издателем и автором вступительной статьи, известным всей России писателем Николаем Дорошенко, определившим книгу как «языковое пиршество», разделили и кубанские литераторы, искренне приветствовавшие новооткрытого для себя поэта.

Из выступления **Нелли Василининой**:

С первой страницы книги стихов Василия Дворцова — сразу погружаешься в богатый, многокрасочный и многозвучный мир поэта, где, казалось бы, знакомые слова обрели новое звучание, более глубокий смысл, может быть, самый глубинный. И слова эти — не просто находки, так говорит душа поэта, это её язык, её дыхание, видение, её движение:

*Мы пылали, мы желали
Сердцем в звёзды разорваться,
Распознать века и дали...
Было нам едва по двадцать.*

Стихотворение «Сонет» начинается со слов «Агаты волн...» Всего одно слово — «агаты», и сразу видишь, какие волны чёрные, тяжёлые, холодные с маслянистым блеском, сразу же ощущается мощь и опасность стихии. Чем точнее образ или определение, тем они многограннее, полнокровнее, богаче, ближе к сути вещей. В этом сказывается талант и мастерство.

До глубины души меня тронули стихи, где удивительно нерастратченное, несмотря на то, что с нами в последнее время происходит, чувство Родины, нерасторжимость с ней и поистине сыновья любовь.

(Продолжение на стр. 2)

Слово РЕДАКТОРА

Светлана Макарова О Шукшинских героях, усах... и пришельцах

«Где нам взять кубанского Шукшина?» — спросили меня недавно, ставя, очевидно, под сомнение и творческую состоятельность нынешней пишущей братии, и, одновременно, сетуя на отсутствие социальной литературы. Много-слойный вопрос этот порождает множество других вопросов. Прежде всего: «А зачем нам Шукшин — кубанский? То бишь, зачем нам гений с литером «второй»? Искусство ведь не любит повторений... Впрочем, каюсь, здесь не обошлось и без гордыньки: мы, мол, и сами с усами... с казаками».

А главное из всего вороха для меня вставал вопрос о шукшинских героях, из-за которых книги писателя и сделались столь любимыми. Произведения его выходили в шестидесятых-семидесятых годах, когда, как известно старшему поколению, сильны были в обществе романтические настроения, когда молодые люди уезжали из родных мест не только за деньгами, а «за туманом и за запахом тайги». Но даже в то мечтательное время критики определяли героев рассказов Шукшина фантазёрами, «чудиками». Которые, как вы помните из произведений Василия Макаровича, были сердечно открыты и отзывчивы до самозабвения. Которые готовы были дарить часть своей души людям родным и даже незнакомым, задыхаясь от вполне привычного, «нормального» для всех остальных мещанства. Задыхаясь от корысти и пошлости. А как отчаянно они искали смысл своей собственной часто незатейливой, негероической жизни!

Так вот, подскажите мне, как подобным «чудикам» из времён массовой веры в светлое будущее можно выжить посреди наступившего тотального рынка? Ведь в сливной воронке коммерциализации духовных ценностей «чудики-романтики» должны исчезать как вид. А если и удалось кому-то чудом пережить эпоху либеральных реформ, то стали они неопикуемыми литературой бомжами... Давно опустели-обезлюдели от «бесперспективности» родные для Шукшина алтайские деревни так же, как и многие хутора и станицы Кубани... Да и не нужно нынче искать смысл жизни.

Все, от мала до велика, знают, что он — в деньгах!

А ведь читая рассказы писателя, в своё время мы несколько не сомневались в реальности его чудиков-фантазёров: конечно, есть такие! Есть и Пашка Колокольников, есть Расторгуев Иван, есть злой и ехидный, но бескорыстный патриот своего села Глеб Капустин. Сила любви, с которой описаны эти герои, так действовала на нас, что, оторвавшись от книжной страницы, мы внимательнее вглядывались в лица окружающих нас соседей и сослуживцев, и легче прощали их объяснимую суетой и заматанностью грубость, становились чуть-чуть сочувливее, немножечко терпимее, добрее даже... И, не признаваясь порой самим себе, стремились в собственной душе обнаружить какую-никакую чудинку. Вот, мол, не просто хлеб жуём, но и на звёзды смотрим, и микробов в микроскоп разглядываем, книжки с новыми стихами читаем, о благе всех людей думаем...

Только с сегодняшнего отстояния как не вздохнуть, что остались те Пашки и Иваны в прошлом уже веке... С мировой арены исчезла суперцивилизация, включавшая в себя СССР и мировую систему социализма, страны, освободившиеся от колониальной зависимости. Эта цивилизация, не смотря на изначальную декларацию революционного атеизма, всё же была основана на традиционалистском мировоззрении, гуманистических ценностях, приоритетах интеллектуального развития личности, её встроенности в коллективистские общественные структуры. Смысловым кодом этой цивилизации являлась справедливость. Научно-техническое и экономическое развитие государств той цивилизации было ориентировано на достижение общественно значимых успехов. Индивидуальным благам и комфортности уделялось второстепенное внимание. Человек в таком обществе принадлежал коллективу, жил в коллективе, его благополучие зависело от общего благополучия коллектива, общества и государства.

Крушение социалистической системы сделало абсолютно доминирующей в мире цивилизацию-антипод. Идейная основа системы-победительницы (как, увы, и нам теперь хорошо известно) — накопление денег, оборот денег, расширение пространства денег, усиление их влияния на все сферы жизни, в том числе личностной. Да, «деловой прагматизм» способствует техническому прогрессу, направленному на повышение комфорта, развитие индустрии развлечений. Но при этом всё больше отступает на задний план высокая культура, фундаменталь-

ная наука. И отсюда же всё быстрее и быстрее духовно и нравственно деградирует человечество, вырождаются народы и нации, становясь глобалистским «обществом потребления».

Трудно представить, чтобы царь-батюшка принимал у себя не Карамзина и Пушкина, но авторов лубочных книжечек и бульварных романов, как в наши времена власти приглашают на приём создателей пляжного чтива. И обсуждают с ними, в том числе, проблемы языка и популяризации чтения. Чтения чего?! Кроссвордов, изложенных газетным сленгом? Да владеют ли эти «издательские проекты» «нежным», как сказал Валентин Распутин, художественным литературным русским языком? Способны ли «писатели»-самозванцы духоподъёмными строками препятствовать превращению литературы в товар? Могут ли передавать хотя бы главные эмоции без ненормативной лексики?

Народ деградирует в общество потребления. И мы всё видим, всё понимаем, но не можем этому противостоять. Не имеем сил, не имеем смелости, не имеем в себя веры. Так и нужен ли нам такой «кубанский Шукшин», который вернёт, самим-то уже отмирающим любителям чтения, тех самых «чудиков»? Ведь, уверяю вас, не перевелись ещё на Кубани романтики, правдолюбцы, искатели смысла жизни. Да только кому ж они сегодня нужны?

И как же хочется услышать писателю: «А нам. Нам нужны, вашим читателям!» Хочется услышать, что надоели всем мыльные оперы и беспредельные триллеры со всеми их убийцами, алкоголиками и проститутками, что соскучились люди по людскому. И что «кубанский Шукшин» всем не только нужен — жизненно необходим!

Дорогой читатель, я точно знаю: «кубанский Шукшин» рядом с нами. И сила его любви к своему народу, своей родине, своей земле способна возратить на страницы литературы XXI века вечных русских «чудиков», чьё существование — залог сохранения и нас, и наших детей, сохранения питающих новые ростки родовых корней. Сохранения архетипа человека общественного, справедливо-го, совестливого. Но книги «Шукшина-2» наверняка изданы или на последние сбережения семьи, или на деньги местного фермера, а потому тиражом мизерным. И половина тиража, по причине того, что не удалось пристроить его в торговую сеть, разослать по библиотекам, пылится в кладовке, за что день и ночь «пилит» автора жена.

...И потому узнают про современных нас с вами Пашках да Иванах только далёкие историки. Или пришельцы.

ПАНОРАМА

Презентация книги «Василий Дворцов. Стихотворения»

Директор галереи «Сантал» Н. А. Стрижова, писатель В. В. Дворцов, художник Ю. Н. Пономаренко

(Окончание. Начало на стр. 1)

Мне захотелось из этих стихов Василия Дворцова составить небольшой цикл для себя, где только самое-самое главное, хотя в них всё – самое главное.

Стихи о Родине – это те стихи, с которыми не хочется расставаться. И не только потому, что они высокохудожественны, жизненны и глубоки, что они – судьба, за которую плачешь, по словам автора, «неслыханные цены», но и в какой-то мере потому, что я сама родом из Сибири. Мне было четыре года, когда мы переехали в Краснодар. Но детские воспоминания я сохранила до сих пор.

...Слышишь? – зовёт безначальная
память Земли,
Сердцем вещуя отчизны святое
бессмертье,
К ней припади, и ладони, и губы прижми,
Родине силу даруя снести лихолетье.
(Из стихотворения «Грапамять»).

А стихотворение «Перезвон» настолько гармонично, что я бы смело отнесла его к хрестоматийным стихам, его возможно написать так, и только так, а не иначе:

Где-то там-там-там –
За далёкой горой,
Стоит храм-храм-храм
По-над смуглой рекой.
Там – храм,

Храм – там,
Высоко...
Далеко...

В книге Василия Дворцова представлен цикл достойных стихов о недостойной войне. Поэтический взгляд как бы изнутри событий – и уже поэтому возникает чувство суровой достоверности, глубокого сострадания, чувство протеста и негодования. Стихотворение «Афганский вальсок» начинается так:

А в горах перед утром туман,
И река не по-русски поёт.
Как же хочется верить в обман,
Что нас родина помнит и ждёт.

Финал стихотворения:
Мы придём, чтобы трудно молчать,
Только верим, что кто-то поймёт...
Вместе будет полегче прощать
Всех, кто нас без победы не ждёт.

И, конечно, при чтении книги Василия Дворцова меня взволновали стихи о любви. В них столько нежности, бережности, ласковости, теплоты... И воспринимаются они как воспарение, восхождение, вознесение чувства, завещанного людям самим Господом...

Поздравляю Василия Владимировича с выходом по-настоящему интересной добротной книги.

К 170-летию Василя Мовы (Лиманского)

В. К. Чумаченко

«И западет в сердца живые...»

Среди казачьих литераторов Кубани, творивших на черноморском диалекте украинского языка, имя В. Мовы окружено особым ореолом. Лишь одному ему из всех наследников песенной славы запорожцев довелось заслужить почетное звание классика, значение творчества которого год от года только возрастает.

Родился Василий Семенович Мова 1 (12) января 1842 г. на хуторе Сладкий Лиман, ныне – Каневского района Краснодарского края, в устье степной речки Мигуты. Казачью службу его отец проходил в Черноморском эскадроне лейб-гвардейского полка, в Санкт-Петербурге. Во время одного из возвращений эскадрона на льготу в Черноморию приглядел он себе казачку «Меланью Михайлову». В 1836 г. отправили в отставку в чине хорунжего, а вскоре земляки выбрали его атаманом родного Стародеревянковского куреня. Наконец, один за другим стали рождаться дети. Вслед за первенцем Василием – двое сыновей: Николай и Онисим, потом Бог подарил и дочь – Пелагею. Умер отец, когда дети еще не успели вырасти, и заботу о них взяло на себя войско.

В екатеринодарской войсковой гимназии В. Мова учился с 1853-го по 1860 год. Программа обучения не во всем соответствовала гимназической. Например, здесь преподавали: французский и черкесский языки, но отсутствовали древние классические языки, незнание которых становилось большой проблемой для поступающих затем в университеты казачков. Документы донесли до нас точную дату поступления поэта в университет. В списке студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета значится: «по историко-филологическому факультету Василий Мова православного вероисповедания, поступил в университет 16 августа 1860 г., из дворян, на содержании Кубанского войска».

Вывявленные нами лишь в последнее время архивные материалы позволяют разбить пребывание В. Мовы в Харькове на два периода: до конца 1864 г. и после него. Первый период связан с учебной на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Документы раскрывают, каково было быть тогда студентом: «Четырнадцать рублей в месяц едва достаточно для того, чтобы иметь плохую квартиру со столом в отдаленной части города и отложить рубля два на чай и сахар, – жаловались кубанцы своему наказному атаману. – На платье же, белье этих денег не достаточно, и единственное наше средство, чтобы быть хоть как-нибудь одетым, это – тесниться по несколько человек в комнате и заниматься кондициями, которых и отыскать то трудно, так как людей, занимаю-

щихся ими, необыкновенно много. Таким образом, Ваше Превосходительство, единственно только, чтобы иметь физическую возможность жить в Харькове, мы должны жертвовать временем, теряемым на частные уроки и отказываться от незначительных удобств, необходимых для успешного занятия наукой».

А между тем студентом Василь Мова был не очень прилежным. С 1860 по 1864 г. он одолел лишь два курса историко-филологического факультета, пока не был исключен за неуплату. Очевидно, Войску надоело платить за студента, систематически не являвшегося на экзамены. Далее на юридическом факультете он учился на правах «постороннего лица». Его имя появляется в официальных документах лишь по поводу окончания университета в 1868 г. А свою диссертацию для получения звания кандидата прав на тему «Народное представительство и политическая свобода в Западной Европе» поэт защитит лишь в 1869 г.

Дело в том, что не одной только учебной были заняты мысли В. Мовы в это неполное харьковское десятилетие. Девятнадцатилетний кубанский казак появился в Харькове в момент, когда общественная жизнь в нем теплилась лишь в студенческом литературном обществе. Особую роль играл Петр Алесеевич Лобко, поддерживавший отношения с Т. Г. Шевченко и даже выполнявший отдельные его поручения. В 1860 г. именно Лобко организовал распространение в Харькове украинских книжек, издаваемых в Петербурге П. Кулишом, а также первого украинского регулярного журнала «Основа», привлек к этой работе членов харьковского литературного кружка (в том числе, В. Мову, дебютировавшего как поэт в четвертом номере «Основы» за 1861 г.). Следует подчеркнуть, что это была вполне легальная деятельность, возникшая в России на волне проводимых тогда реформ. «И во время существования воскресных школ и по их закрытии вся деятельность этого кружка, – свидетельствовал впоследствии А. Шиманов, – ограничивалась преподаванием на южнорусском языке в школах, проведением литературных вечеров, хоров, постановлением популярных брошюр и распространением их, также старанием найти средства издавать газету в Харькове».

Сходные проблемы обсуждались и в Харьковской Грома-

де, организатором которой был банкир и меценат Олекса Алчевский, а душой ее – его жена писательница Христина Алчевская. В их доме, кроме студентов университета, бывали учащиеся и других учебных заведений Харькова, семинаристы. Если литературный кружок при университете насчитывал полтора десятка членов, то в Громаде их было около 80. «Здесь, – вспоминает Алчевская, – я услышала чудные украинские песни, услышала родную украинскую речь, познакомилась с пылкими устремлениями этой идейной молодежи, стремящейся сблизиться со своим народом, сделать его грамотным и приобщить к цивилизованному миру. Молодежь эта не только пела чудные песни, стараясь закрепить их в сознании народа, не только собиралась для обсуждения того, какой именно путь избрать для достижения этих целей, но и составляла брошюры литературного и научного содержания, которые назывались у нас «метелики», эти маленькие разноцветные книжечки разлетались действительно, как мотыльки, во все отдаленные уголки Украины и читались нарасхват и людьми интеллигентными, которые сочувствовали этому движению, и теми народными грамотеями, которых – увы! – редко можно было тогда встретить в народе».

Новый импульс деятельности молодых харьковчан придало полученное 27 февраля 1861 г. известие о смерти Кобзаря. Отныне борьба за духовное наследие Шевченко, пропаганда его творчества станут ключевыми моментами их просветительской работы. Уже 1 марта, вечером, кружковцы собрались, чтобы потолковать о том, что можно сделать в пользу семейства и вообще родных покойного Тараса. Для сбора необходимых средств решили устроить благотворительный музыкально-литературный вечер. Чтобы придать задуманной акции как можно более широкий характер, предполагалось установить контакты с единомышленниками в Полтаве, Одессе, Киеве, Нежине, Москве, Петербурге, Херсоне, Екатеринославе, Екатеринодаре, Чернигове. Вечер состоялся в зале дворянского собрания. На собранные средства решили закупить шесть тысяч экземпляров букваря Т. Шевченко и передать их киевскому митрополиту Арсению для распространения в сельских школах.

(Продолжение на стр. 3)

К 170-летию Василия Мовы (Лиманского)

(Окончание. Начало на стр. 2)

Уже 31 марта студенты направили соответствующее письмо Арсению, но тот вместо благословения написал на них донос обер-прокурору синода графу А. Толстому. Инициативную молодежь взяли на заметку. Уже 5 мая товарищ В. Мовы Василь Гнилосыров запишет в дневнике: «Ходят слухи, что в Харькове следят за малороссами...».

Но это было только началом сражения за Шевченко, за понимание истинного значения и масштабов его поэтического гения, за распространение его пророческого слова в народе. А вскоре В. Мове предстояло принять свой первый единоличней бой. Поскольку открыть собственную газету кружковцам, конечно же, не разрешили, аренной дискуссии послужили страницы либеральной газеты «Харьков» (Прибавления к «Харьковским губернским ведомостям»).

Трудно преувеличить значение дискуссии о Т. Шевченко, затеянной В. Мовой в 1861 г. на страницах газеты «Харьков», ведь она была едва ли не первой в нарождавшемся шевченковедении.

Началось все с того, что местный публицист А. Барымов опубликовал в номере за 12 апреля «Два слова о литературных вечерах в Харькове и одно — о Т.Г. Шевченко», полемически направленных против недавно проведенного вечера в память Т.Г. Шевченко. Иронизируя над увлеченностью части публики поэзией Кобзаря, фельетонист объяснил ее не действительными достоинствами произведений, а «известными обстоятельствами его жизни, обстоятельствами, которые всегда обращали на себя особенное внимание человечества и заставляли смешивать человека с художником».

Вступившему в полемику В. Мове удалось верно расставить главные акценты в проблеме о «великости» Шевченко. Опираясь он в общем-то на хорошо известные современникам оценки, высказанные крупнейшими российскими критиками, В. Белинским, Н. Добролюбовым и Д. Писаревым по вопросу о народности поэзии А.С. Пушкина. Вслед за своими учителями Мова высказывается в том смысле, что Шевченко как «поэту предстояло выразить душу народа со всеми ее своеобразными характеристическими особенностями». И это ему удалось: «характер малорусской народности, характер южнорусса, — вот то, что он выразил в своих произведениях, и выразил в высокой степени полно, художественно и многосторонне». Находит он у поэта и мысли, составляющее общечеловеческое содержание, тем самым роднящие его с такими титанами, как Шекспир, Гете, Пушкин.

Дебют на страницах газеты «Харьков» был настолько успешным, что на целых три года Василий Семенович становится одним из самых деятельных ее авторов. Он постоянно публикует свои статьи, очерки, рассказы, смело вступает в новые дискуссии, не гнушается и небольших заметок на темы культурной жизни университетского города.

О втором харьковском периоде жизни В. Мовы известно очень мало. «Похолодание» в общественной жизни России, усиление реакции, пришедшейся на 1863 год, привело к изменению характера издания и уходу из него В. Мовы. Вскоре закрылись воскресные школы, часть друзей, окончив университет, подалась из Харькова. Будущий поэт, будучи исключенным за неуплату, был вынужден искать работу. Какое-то время он жил и работал в селе Люботине, но необходимость окончания занятий в университете побудили вернуться в город, где, по свидетельству современников, культурная жизнь почти замерла. Дневники Гнилосырова за 1865 г. наводят на мысль о тягучем, лишенном общественного смысла существовании. Некий энтузиазм теплился лишь в группе студентов, работавших над созданием словаря украинского языка. В. Мова взялся за покарточную роспись литературных слов. Для него это была не просто работой над словарем, но еще и самообразованием, продолжившимся и после возвращения на Кубань.

Думаю, возвращение в 1969 году к родным пенатам не сулило больших радостей. Работы для молодого юриста в Екатеринодаре не было. Судебная реформа 1864 г., на которую возлагались большие надежды при переходе на юридический факультет, этих забытых Богом мест еще не затронула. А главное — полностью отсутствовало литературное окружение. Даже войсковую гимназию, преподаватели которой по большей части и составляли местную духовную элиту, перевели в Ейск. Большинство бывших «харьковчан», независимо от полученной в университете специальности, работало в Мариинском женском училище. Туда же преподавателем русского языка и словесности был зачислен В. Мова.

«Положение мое далеко не удовлетворяет меня, — жаловался он неожиданно напомнившему о себе письмом другу студенческим лет В. Гнилосырову. — С материальной стороны еще сляк и так: получаю 800 рублей жалованья, да изредка адвокатурой заработаешь сотню-другую. Мог бы получать и хорошее жалованье, перейдя в судебное ведомство, но жаль расставаться с тем досугом, который остается у меня при должности учителя... Почитываю-таки — достаточно, но самостоятельные работы подвигаются вяло... И все потому, что на душе как-то дрянно — отсутствие людей, нравственно солидарных с тобою, полнейший недостаток нравственной поддержки... — все это действует в высшей степени угнетающим образом. Просто даже руки опускаются».

В 1873 г. В. Мова все же принимает предложение Екатеринодарского окружного суда о переходе на должность судебного следователя на самой границе Черномории с Линией, в бывшей усть-лабинской крепости. О жизни в Усть-Лабинске (1873–1876) мы имеем живописнейший рассказ самого В. Мовы: «Только три года работал я на той следственной работе, а надоела она мне чрезвычайно. Не имеешь, бывало, отдыха даже на часок, работаешь не покладая рук... Но нельзя отрицать, что, с другой стороны, работа следователя оказывает на человека и благое действие: она знакомит его с изнанкой народной жизни, помогает познать хмурую, постыдную и неприятную его сторону. Нельзя и представить себе, сколько людей с оригинальными характерами, сколько моральных образов пройдет и промелькнет перед глазами судебного следователя. Для способного художника то был бы материал огромный и высокой ценности, но, к сожалению, в наших краях судебному следователю, даже и небесталанному, не до художественного творчества... Лишь изредка, вместо отдыха, заносил я в блокнот некоторые наблюдения из той жизни, что обнажалась передо мною, и облекал в форму бледных очерков некоторые образы».

Цикл очерков «Из записок судебного следователя», создававшийся в Усть-Лабинске, остался в черновиках и до сих пор не разыскан. До нас дошел лишь фрагмент «Три странички», рисующий яркий, запоминающийся

Отдельные издания произведений В. Мовы (Лиманского)

1. **Старе гніздо й молоді птахи. Драматичні образи.** — К., друк. П. Барського. — 1907 (На обложке — 1908). — 223 с. (Передрук з «Літературно-наукового вістника»).

2. **Старе гніздо й молоді птахи. В 5 діях і 8 одмінах. Для сцени пристосував г. Хоткевич.** — Львів: друк. І. Айхельбергера, 1909. — 216 с.

3. **Старе гніздо й молоді птахи. Комедія на 4 дії. Скоротив та до сцени прилаштував О. Степовик [О. Ф. Комаров].** — Х.: друк. Н. Петрова, 1911. — 95 с.

4. **Козачий кістяк.** — Катеринодар: «Кубанська Просвіта», 1917. — 3 с.

5. **Поезії (цикл «Проліски»). Вступна стаття С. А. Крижанівського, упорядкування та примітки Н. О. Вишневської**

образ красавицы казачки Насти Халабурдихи, женщины неудавшейся судьбы, отстаивающей свою волю и поправное женское достоинство. Даже в неоконченном виде рассказ поражает силой своего художественного воздействия, личностным началом в характере героини.

Вдоволь намаявшись в роли судебного следователя, Мова с радостью принимает предложение о переводе на менее хлопотную должность мирового судьи в Ейск. Этот небольшой городок был вторым по значению культурным центром края, бывшие «харьковчане» занимали в городе и вокруг него должности врачей, юристов, учителей. Здесь был даже местный украинский поэт Иван Подушка, в отли-

чие от В. Мовы сумевший выпустить объемистый том своих стихов. В общем, появилось некоторое интеллектуальное окружение, отсутствие которого так угнетало в Усть-Лабе.

Летом 1876 г., вскоре после переезда в Ейск, В. Мову настигает письмо А. Конисского с просьбой о присылке для задуманных им альманахов и антологий (читанки) украинской поэзии своей коротенькой автобиографии и подборки лучших, на его взгляд, стихов. В конце июля — начале августа поэт выслал в адрес Конисского «невеликий зшиток» тщательно отобранных стихов. Однако из затей ничего не вышло. Пока разосланные А. Конисским письма искали своих адресатов, вышел печально известный Эмский указ. Первый том, включавший произведения от И. Котляревского до начала 60-х годов, был запрещен. Не менее печальная судьба постигла и первый из задуманной серии альманахов «Батьковщина», поданный в цензуру 23 сентября. Хотя он и был сложен в соответствии с новым законом и рекомендованными правилами орфографии (передавать украинскую фонетику русскими буквами), цензурных рогаток альманах все равно не прошел.

В. Мова отнюдь не заблуждался в отношении цензуры и степени проходимости своих стихов, поэтому заранее просил Конисского все, что будет отвергнуто российской цензурой, предложить галицким изданиям, в частности «Правде». Тот выполнил эту просьбу. Уже в двадцатом номере «Правды» за 1876 г. была опубликована баллада «Казачий скелет», которую составитель изначально посчитал невозможным включить в альманах. Позднее увидели свет отвергнутые цензурой «Три дерева» («Світ», 1881, № 15) и «Под стрехою убогою» (альманах «Луна», 1881, № 1).

Переезд в Ейск подтолкнул Мову к окончательному возвращению в литературу. Он выписывает из Львова украинские издания (книги, журналы, газеты), посылает туда свои новые произведения, все чаще задумывается об издании отдельного сборника стихов, ищет заочного общения с видными деятелями культуры того времени (М. Старицким, О. Пчилкою и др.).

Происходящие перемены несомненно наложили отпечаток на личность поэта и не остались незамеченными окружающими. Отношения с властью придержащими в Ейске начали портиться. В 1885 г. пришлось возвращаться в Екатеринодар на скромную должность присяжного поверенного окружного суда. Молодой портовый город вошел в биографию поэта тем, что в нем была написана его лучшая поэма «На степи!» и цикл пока не обнаруженных нами очерков «Из записок мирового судьи», а также начата работа над главным произведением жизни — драмой «Старое гнездо и молодые птицы». Здесь он обзавелся семьей, радовался пополнению семейства, достиг пика служебной карьеры и пережил горечь падения, пусть и спровоцированного собственной принципиальностью, но ведь незаслуженного!

Женат был Василий Семенович на сестре известного кубанского генерала Надежде Ивановне Кокунько. «Хоть она и украинка, и читает по-украински все, что и я читаю, но в поэзии не много разбирается и смотрит на нее без уважения», — писал о ней сам Василий Семенович и признавался, что даже от нее прячется, когда пишет стихи, что б и она не подумала: «Над каким ты пустым делом трудишься». Однако ж посвятил ей одно из своих стихотворений, и какое! «Колыбельная песня»! Значит, была неплохой матерью, что немаловажно. Ведь детей у них было шестеро: двое сыновей (Григорий и Павел) и четыре дочери — Мария, Анна, Наталья и Екатерина.

1880-е годы в жизни В. Мовы отмечены творческим подъемом и художественной зрелостью. Перерабатываются юношеские произведения, идет работа над новыми, пополняются записи историко-этнографическими наблюдениями. В надежде увидеть хоть какие-то свои произведения опубликованными он откликается на все призывы галичан помочь украинским изданиям новыми произведениями, однако «каждый раз они шли в корзину». В 1888 году он пишет А. Конисскому: «Имею я произведения и в прозе и в поэзии, и если б знать, что они пригодятся, то нашел бы возможность вывести их из черной одежды и нарядить по-праздничному». Но и последний проект В. Мовы по изданию сборника «Пролески», подготовленного в 1888 г., не увенчался успехом.

В Метрической книге Александро-Невского собора г. Екатеринодара сохранилась запись о том, что коллежский советник Василий Семенович Мова скончался от воспаления легких 1 июня 1891 г. и погребен на следующий день на общем кладбище. Погребение совершил «священник Иоанн Куш с диаконом М. Погореловым и псаломщиком П. Хмарою». На смерть поэта откликнулся прочувствованным некрологом львовский журнал «Зоря» и ставропольская газета «Северный Кавказ», раскрывая землякам тайну псевдонима «В. Лиманский».

Виктор Чумаченко заведует кафедрой русского языка и литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств, кандидат филологических наук, профессор. Автор более 500 статей, опубликованных в России, Украине, США, Австралии.

ДЕБЮТ

Валерий Михайлов

Текила

День подходил к концу. Скупое, зимнее солнце жёлтым квадратом отпечаталось на потолке. Служивица Мишель ещё не ушла. Почему Мишель? Так мне удобнее, хотя вру. Однажды мы заговорили об истории джаза. Когда дошли до Битлов, эта женщина сказала, что не очень любит слушать их биг-бит как сочетание негритянского джаза и блюза. Единственная композиция, которая ей нравится — это «Мишель». Мне нечего было ответить на такое ортодоксальное утверждение, разговор продолжился, а я с того времени стал называть её Мишель.

Январские каникулы не закончились, Мишель хлопотала над делами прошлого года. По православному календарю наступили святки. Дни магических открытий, чудес, розыгрышей, которые я постоянно жду, потому что не сомневаюсь, волшебная страна Святков существует. Наша страна ещё не очнулась от рождественского анабиоза, улицы были свободными от пробок и суеты. Снега не было, температура по ночам отрицательная, а днём поднималась до плюса шести-восьми по Цельсию.

Дверь бесшумно захлопнулась, лёгкий сквознячок донёс аромат любимых духов Мишель. Запах был запоминающимся, я хотел узнать название, хотя точно не помню зачем. Может быть, определиться, при случае подарить или понять, почему она предпочитает именно этот аромат. Часто невозможно объяснить даже себе, почему волнуют мелочи, хотя кто может сказать уверенно, какое событие является основополагающим в жизни человека? С монетами проще: от 1 до 50 копеек — мелочь. И всё.

Поднял глаза, не ошибся, Мишель вышла. Утром на предложение довезти до дома она небрежно бросила:

— Как получится.

«Сегодня точно не получится», — подумал я. Начал медленно собираться. Страховая деятельность наполнена множеством бумаг, правил, инструкций, тарифов etc. Портфель получается увесистым. Я подошёл к писюшнику, на котором работала Мишель, он оказался включенным, пальто на вешалке не было. «Забыла выключить», — подумал я. Когда наклонился, увидел перчатки. Взял в руки — и ощутил тепло её ладоней. Явный аромат красивой женщины обострил желание увидеть, говорить, прикасаться... Каждая женщина пахнет неповторимо, запах может нравиться или нет, но он существует. От вдыхаемого облака я прибалдел, чувственность, нежность и восторг охватили меня. Постоял некоторое время в прострации, взял перчатки и пошёл к машине.

Форд легко завёлся, любимый город Краснодар принял меня в ярко освещённые улицы с лёгкой вечерней суматохой. Улица Красная уже открылась для проезда, пробок не было. Я редко ездил этим путём, но знал его хорошо. Миновал пивную «Старина Герман», выскочил на Адыгейскую Набережную. Странное название? До Кубани, и тем более до набережной, которой нет, очень далеко. Само название «набережная» мне всегда нравилось. В детстве жил в боль-

шом городе на Волге, там имелась очень основательная набережная, на которую бегал кататься на коньках зимой или купаться летом.

Внезапно машина задрожала и заскрипела. Вышел, с досадой убедился: переднее колесо пробито. Бросил перчатки Мишель в портфель, поставил его на видное место. Время сумеречное, ценные вещи надо держать на виду. Достал из багажника домкрат и запаску. Не очень приятная работа, но другого выхода не было. Когда машина уже стояла на домкрате, появилась собачка. Я не большой любитель четвероногих, но таксы пользуются некоторым моим уважением. Эта особа оказалась довольно настырной, суеулилась возле портфеля, норовила в него залезть.

«Странно, — подумал я. — Хотя, пусть сторожит!» Но потом вспомнил про пирожок с мясом, который купил в обед, но не съел в суматохе. Спокойно открыл портфель, а эта жучиха, чтобы не сказать покруче, схватила перчатку и смылась намного быстрее, чем я осознал, что произошло. Я обмер: «Вот засада! На фига было брать перчатки... что теперь придумать, и как объяснить эту фантазмагорию? Какой-то собачий фетишизм». Настроение упало ниже ливнёвой канализации. Обошёл машину, частные дома рядком стояли за тротуаром, и недружелюбно смотрели на меня тёмными окнами из-за серых заборов. Полное смятение и бессилие что-либо изменить и понять охватили меня. Но колесо необходимо было ставить на место и ехать домой.

Наутро в офисе было оживлённо. Со всех сторон слышались впечатления о встрече Нового года и праздничных днях. Моя тревога не проходила, а скорее нарастала. У меня особых событий не было, свободные дни прошли однообразно, в основном были связаны с внучкой, которая таскала меня то в парк, то на каток в «Икея». Мишель молчала, вставить слово в сокрушительное «наводнение» эмоций и впечатлений было трудно. В конце концов, даже самые энергичные обесценили и иссякли.

— А у меня вчера произошло странное событие, Текила принесла мою перчатку. Мне казалось, я оставила их в офисе. В голове отпечаталось: они лежат на этом столе. Как я могла так обмишуриться? Видать, одну потеряла в транспорте, а другую возле дома. Практически, я никогда ничего не теряла, сегодня просто в шоке. Да и перчатки классные, мои любимые! — неожиданно обратилась ко мне Мишель.

— А Текила — это кто? — спросил я.

— Моя таксочка, любимица всей семьи. Такая умница, всё понимает, только говорить ещё не научилась, — самозабвенно рассказывала Мишель. Меня вдруг пробила ирония.

— Кормите вы их, лечите, ласкаете, поэтому и глядят они на вас с любовью.

— Ты хочешь сказать, собаки ничего не понимают?

Я увидел широко распахнутые в удивлении глаза. Мне показалось, если я сейчас скажу что-то оскорбительное по отношению к собакам, то мне не поздоровится. В голове складывалась картинка, какого-то необъяснимого, чудесного события, которое могло произойти только на святки.

— Доброе слово и кошке приятно, тем более собаке. Она реальный друг человека, разве вправе я отрицать такую расхожую истину? — пробормотал я.

— А сам ты с этим не согласен? — продолжила напористо Мишель. От казни меня спасла вошедшая директриса, которая, по обыкновению, заполнила всё пространство и приковала наше внимание.

Когда буффонада от появления руководителя улеглась, мы с Мишель отключились от общей компании.

— Могу показать фотки Текилы!

— Имя твоей питомицы мне очень нравится, Текилу в жизни никогда не пробовал.

— Так ты же не пьёшь совсем!

— Это сейчас не пью. Бывало пил всё подряд, но Текилу в те времена у нас не продавали.

Глаза Мишель вопросительно расширились. Я не стал останавливаться на этой теме.

— Показывай свою кинозвезду!

Я стоял за спиной и тупо смотрел на монитор, мелькали снимки семейной хроники. Собака на сене, собака во дворе, собака кушает, лежит, зевает и тявкает. Я увидел, кто меня вчера обокрал, подставил, рассмешил и обидел. Осторожно положил вторую перчатку рядом с мышью. Ради удивления, которое я увидел в глазах Мишель, можно было бы подкупить упряжку собак с Аляски. Но Текила сделала всё сама.

— Как она к тебе попала? — спросила Мишель еле слышно.

— Ты, действительно, забыла перчатки в офисе, но после того, как упорхнула, сюда забежала эта умнейшая собака, гавкнула, что знает хозяйку, и унеслась, но, видать, считать ещё не научилась, взяла только одну перчатку, — начал юморить я.

Впечатление пережитого охватывало меня всё больше,

АККУМУЛЯТОР

Степан Деревянко

Участник семинара
начинающих литераторов — 2011

Старик приехал в райцентр на выдавшем виды «Москвиче» за лекарством. По дороге в аптеку ему попался магазин «Рыболов», и старик не удержался, чтобы не посмотреть снасти для любимого занятия. Он оставил машину на обочине, зашёл в магазин и минут двадцать глазел, как мальчишка, на яркие поплавки, телескопические удилища, дорогие канадские спиннинги и блёсны. И совсем забыл, что аккумулятор у его машины «дохленький» и заводит движок плохо. Когда он вышел из магазина с желанным набором блёсен, настроение его упало — он увидел, что не выключил фары. Аккумулятор «сдох», и от поворота ключа зажигания стартёр даже не замычал. Оставалось одно: завести машину с буксира или с толкача. Но толкать его «шарабан» было некому, дорога у станицы оказалась только проезжей, и по ней никто не шёл. Потому старик достал из багажника трос, прицепил его и стал голо-совать, держа в левой руке петлю троса. Но никто не останавливался. Иномарки, «Калины», «Приоры» проносились мимо, даже не притормаживая. И только какой-то парень на таком же старом москале, как у него, дал по тормозам и ссунулся впереди на обочину.

— Что случилось, отец? — крикнул он, не вылезая из-за руля.

— Аккумулятор «сел», дерни, сынок, — попросил старик.

— Рад бы, да проушина вырвана, не получится.

Проушины действительно не было, не прицепишься. Парень умчался, а старик, вздохнув, снова поднял руку. Но машины пролетали.

Так он простоял с час, устал и начал ругать себя за то, что попёрся в магазин, вместо того, чтобы сначала купить жене лекарство. А теперь до аптеки далеко, до дома ещё дальше, да и доберётся ли он домой засветло — одному Богу известно. Вместе с тем день завернул на вечер. По-

холодало, посерело небо, и стал накрапывать дождь. Поднявшийся ветер покатил по дороге ржавые листья. Стали болеть ноги, и старик пошёл искать по обочине, на что присесть. Нашёл в бурьяне ведро без дна и устроился на нём прямо на краю проезжей части. Так заметнее. «Может, кто остановится, поможет, неужто в людях жалости не осталось?» — подумал старик. Ему повезло, вскоре прямо перед ним осел на жёстких тормозах джип, опустилось стекло и холёная самодовольная физиономия выкрикнула:

— Дед! Могу оттащить твою гарбу к себе на приёмный пункт, заплачу три штуки, как за чермет.

— А я на чём буду ездить? — спросил старик.

— На чём сидишь, на ведре. Руль, так и быть, тебе оставлю, — засмеялась физиономия.

Старик проглотил комок, но попросил: — Ты бы дёрнул, сынок, она и заведётся. Подмогни, аккумулятор у меня...

— Нет, дед, только на шнурок и в металлом, я без пользы не катаюсь.

— Езжай, — махнул рукой старик и запечалился: «Что за жизнь пошла? На дороге сижу, на виду у всех, и никто не поможет. Все стали друг другу чужие, будто звери-собаки...»

Он вспомнил, как когда-то в метель перед самым Новым годом он с женой и тогда ещё малыши ехал далеко к сестре в гости

на «Москвиче» и сбился с дороги, и какой-то парень вывел его на трассу, сделав крюк в сорок вёрст. Просто остановился, спросил в чём дело, подумал минуту и сказал: «А, ладно, отбрешу». Езжай, земляк, за мной, только не отставай».

И он пёр за парнем, видя в снежной пыли только два красных огня жигулёнка. И успел к застолью. А парень с него даже денег не взял на бензин, лишь улыбнулся и сказал: «Счастливо, друг. Земля круглая, может, и меня когда выручишь». А теперь вот: «На ведре едь». И вся помощь.

От этих мыслей старику стало мутно на сердце, он бросил трос в багажник и пошёл по дороге в станицу. Ему ничего не оставалось, как купить новый аккумулятор. Вместо лекарства. У встречного велосипедиста он спросил про магазин запчастей, тот подсказал, и старик через несколько кварталов магазин нашёл. Аккумуляторы были. Он выбрал недорогой российский, с удобной для переноски ручкой. Продавец проверил состояние аккумулятора, выбил чек и предложил:

— Мы можем его установить и заодно протестировать состояние электросхемы вашей машины, отец.

— Спасибо, только мой «Москвич» стоит далеко отсюда, напротив рыбацкого магазина. Тот магазин меня, старого дурня, и ввёл в расходы. Баба теперь останется без лекарства.

— А как же вы его...? Он же тяжёлый, — спросил с запинкой продавец. — Доставка у нас не предусмотрена.

— Пёхом, сынок, как ещё. Вот и вся доставка, — ответил старик.

И он, соскочившись и припадая на правую ногу, понёс аккумулятор из магазина.

Какой-то парнишка со скутера, слышавший разговор, купил лампочку для фары и выбежал следом. Старик был недалеко. Парнишка догнал его.

— Дедушка, ставьте аккумулятор мне под ноги и садитесь сюда, я вас довезу до машины, — сказал парнишка.

— А повезёт твой горбунок двоих? Больно маленький, — спросил старик недоверчиво.

— Повезёт, мы с пацанами на нём втроём лихачим!

Они ехали по улице, ноги старика свисали, и старик поджимал их, боясь обо что-либо зацепиться. Руками он держался парнишке за плечи. Начинало смеркаться, и дождь в порывах ветра холодными иголками покалывал старику лицо. Но старик был рад дождю — он не хотел, чтобы парнишка, когда доедут до машины, увидел его слёзы. А они вырывались помимо его воли откуда-то изнутри, от самого сердца, которому вдруг, непонятно от чего, стало тепло.

МАСТЕРСКАЯ

Всё гениальное просто.
Народная мудрость

Генрих Ужегов

О ПРОСТОТЕ И ЯСНОСТИ ИЗЛОЖЕНИЯ В ПОЭЗИИ

В этой небольшой статье хочется подчеркнуть, что самые известные поэты и писатели всегда стремились, чтобы их произведения отличались «благородной простотой» и ясностью изложения материала, чтобы, как сказал Некрасов, «словам было тесно, а мыслям просторно».

А. С. Пушкин

18 февраля 1837 года секретарь шведско-норвежского посольства Густав Нордин извещает свое правительство о трагической гибели Пушкина. Оценивая значение этой понесенной Россией «чувствительной утраты», Нордин среди прочего замечает: «...в отношении стиля г. Пушкин все более и более приближался к той благородной простоте, которая является печатью подлинного гения» (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина»).

Такое точное определение творческого метода Пушкина примечательно не только тем, что оно дано иностранцем и притом в ту пору, когда это было очевидно далеко не каждому культурному соотечественнику. Нордин не могла быть известна фраза из пушкинской заметки «О поэтическом слоге», опубликованной спустя почти столетие после гибели поэта: «*Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем*».

Это непонимание, лишь усилившееся к сегодняшнему дню, для дальнейшего развития русской поэзии оказалось поистине роковым. И большая или меньшая степень её ущербности обуславливалась большей или меньшей степенью этого непонимания.

Главное условие всякой художественности состоит в том, чтобы стремление к ней оставалось незаметно, чтобы создавалось впечатление, что художественность произведения достигается сама собой. Подлинный художник стремится скрыть все «швы». Пушкин писал просто, но посмотрите его черновики и вы поймете, как достигалась эта простота.

XIX веку было чуждо высокомерное понятие «самовыражение». Связь этого понятия с общим кризисом гуманистической культуры очевидна. По пушкинскому представлению, творческий акт начинается, когда «божественный глагол до слуха чуткого коснется». Чтобы ощутить конкретное значение этой формулы, необходимо избавиться от принижающего ее метафорического толкования. Самовыражение жаждет непрерывной новизны, постоянно формально прогрессирует, усложняется,

меняет метафоры на «метаметафоры» и проч. В лучшем случае мы получаем талантливый стих с набором изысканных тропов, со «своим» словарем и манерой при отсутствии существа поэзии.

Еще при жизни поэта появились первые попытки ухода от пушкинского понятия простоты в поэзии. Черты враждебной Пушкину поэтики хорошо определила Лидия Гинзбург: «**совмещение несовместимых элементов, принципиальная неограниченность средств выражения, допуск любых слов в любых сочетаниях...**» Столкновение этих взаимоисключающих поэтик почти всегда отражало борьбу противоположных мироощущений и подходов к поэзии в целом. «Вершинным» поэтам XIX столетия Тютчеву, Фету и Некрасову эта простота давалась относительно легко: они еще дышали последним воздухом Золотого века. Поэты последующих поколений приходили к ней разными, порой извилистыми и тернистыми путями. Многие из них на этом пути преодолевали собственную, уже вполне сложившуюся эстетику.

С. А. Есенин

Проникновенным певцом России, её верным и благодарным сыном был и навсегда остался в наших сердцах Сергей Александрович Есенин. Предельная искренность чувства, правдивость поэтической интонации, поразительная простота и мелодичность есенинского стиха, его звонкая ясность вновь и вновь захватывают читателя сегодня. «Нежность грустную русской души», о которой писал поэт, каждый ощущает в его стихах. При этом в синтаксисе Есенин избегал усложнённости, тяготел к стройности и простоте, предпочитая естественное течение стиха. Уже в ранней лирике Есенина привлекает внимание какая-то особая, ясная, чистая простота и одновременно образная насыщенность:

*Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.*

Всеволод Рождественский писал о стихах Есенина:

«О влиянии поэзии Есенина сказать можно было бы многое. И самое главное в том, что чистый лирический голос Есенина, так любимый простым народом, и, притом, людьми различного уровня, очень резко выделяется на фоне поэзии, которую условно можно было бы назвать «книжной», своей удивительной непосредственностью и ярко выраженным мелодическим началом. Его стихи хочется петь, а они и в самом деле

часто становятся песнями. Он и сам исполнял их, слегка, напевая. В заключение можно сказать, что широкая популярность Есенина — и в читательской, и в литературной среде — обусловлена тем, что его стихи — простые и ясные по своей форме — всегда насыщены глубоким внутренним волнением и с предельной искренностью выражают правду его жизни».

Приехав в Петербург, Есенин посетил А. Блока. Не застав того дома, он оставил ему записку и стихи, завязанные в деревенский платок. Записка сохранилась с пометкой Блока: «Стихи свежие, чистые, голосистые...». Так благодаря участию Блока и поэта С. Городецкого Есенин стал вхож во все самые престижные литературные салоны и гостиные, где очень скоро стал желанным гостем. Стихи его говорили сами за себя — их особая простота в совокупности с «прожигающими» душу образами, трогательная непосредственность «деревенского паренка», а также обилие словечек из диалекта и древнерусского языка оказывали на многих вершителей литературной моды завораживающее действие.

А вот что говорит о стихах С. Есенина Светлана Шетракова, директор московского Государственного музея С. Есенина:

«В простоте стихов Есенина кроется настоящая бездна. Можно изучать его творчество всю жизнь, но так и остаться на подступах к пониманию его».

Вчитайтесь хотя бы в следующие строки великого поэта:

*«Ах, метель такая, просто чёрт возьми.
Забывает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в моей судьбе
Непутёвым сердцем я прибит к тебе...».*

Всё совершенное просто, и в этом загадка силы простых слов. Неотъемлемый признак настоящего искусства в том, что всякий читатель поймёт и прочувствует есенинские строки, не будет равнодушен к ним.

*«Сыпь, гармоника! Скука... скука...
Гармонист пальцы льёт волной...
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной!».*

Диапазон образов при ограниченном арсенале простых и понятных слов! Чего стоят только «забывает крышу...» или «пальцы льёт волной...» Но чтобы писать так, надо всего лишь быть Есениным, великим поэтом.

В одной из статей сам Есенин писал о стихосложении: «Они думают, что все эти формальные приёмы и ухищрения нам неизвестны. В своё время обучились достаточно всему этому и не меньше их понимаем. Писать надобно как можно проще. Вот это трудней».

Тончайший лирик, волшебник русского пейзажа, удивительно чуткий к земным краскам, звукам и запахам, Есенин был большим и смелым мастером стиха. Его емкие и ошеломляюще свежие образы — почти всегда настоящее художественное открытие. Пушкинская простота и прозрачность — вот идеал, который руководил Есениным особенно в последние годы его работы.

(Продолжение следует)

ПАНОРАМА

Встреча с «Парусом» в Анапе

В декабре в читальном зале Центральной библиотеки Анапы состоялась творческая встреча с поэтами литературно-художественного объединения «Парус». Почётными гостями анапских поэтов стали член Союза писателей-переводчиков МОСПР, заместитель председателя Королёвского отделения межрегиональной общественной организации содействия развитию культуры и искусства «Содружество Творческих Сил» (СТС), заслуженный литератор СТС, профессор Московского государственного открытого университета (МГОУ) Анатолий Афанасьевич Пережогин и заслуженный краевед Кубани, руководитель музея ФДЦ «Смена» Валерий Абдурахманович Валиев.

А.А.Пережогин познакомил

анапчан со своим творчеством, поделился впечатлениями об Анапе, подарил «парусникам» свои книги «КПД: карманный переводчик духа» и «АлгольРифмы. Стихи в фотоальбом».

В. А. Валиев представил выпу-

щенную в 2011 году в соавторстве с дочерью А.В.Валиевой книгу «Анапа — Город воинской Славы», ставшую весьма актуальной в год присвоения Анапе столь почётного звания. Библиотека ЛХО «Парус» пополнилась книгами,

подаренными А.А.Валиевым: «Юная страна «Профтех», 2-й сборник творчества учащихся ПТУ ГООЦ «Рабочая смена», «Анапа в названиях и именах», «Синдия. Синдская Гавань — столица государства синдов», «Победа

в сердце каждого анапчанина», № 1 (3), краеведческого журнала Анапы «Синдская гавань», «Книга памяти села Сукко».

Всеобщему вниманию была представлена вышедшая в свет в 2011 г. книга председателя Правления Анапского городского отделения ветеранов Всероссийской общественной организации «Боевое братство» Вячеслава Григорьевича Бабунца «Ими гордится Анапа» — об известных и достойных людях нашего города, в числе которых анапские литераторы с радостью узнали собрата по перу, талантливого поэта и прозаика, члена Союза российских писателей, редакционной коллегии альманаха «Парус» Сергея Лёвина.

На встрече звучали стихи всех присутствующих поэтов.

ПРОЗА

Борис Шереметьев

ОФИЦЕР, ЦЫГАНКА И НЕЧИСТАЯ СИЛА

Авральная погрузка боеприпасов на «Гвардейце» началась с вечера и затянулась «до звезды» Рождества Христова. Пока матросы, старшины принимали душ, офицеры в кают-компани гоняли чай — стукнуло три. Усталость от предпоходовой суеты-маеты, сверхурочных работ дала о себе знать, и экипаж эсминца, кроме дежурно-вахтенной службы, без церемоний разобрал постели с пробковыми матрацами и вмиг уснул, как провалился в омут.

Прикорнул к спинке диванчика в каюте и лейтенант Егор Евстафьев. Все кости пели из-за поднятых тяжестей, докучной ходьбы с поклажей на горбу по замкнутому кругу от арсенального причала к снаряжным и минным погребам корабля. Хотелось покоя, забыться. Прежде спасало одно универсальное средство: закрыть глаза и предаться сладким мечтаньям, раскладывая перед собой их пасьянсом, как разномастные атласные карты, — но сегодня это лекарство не помогало. Виной тому была полученная из Ленинграда весточка от Инны, насторажившая нарочитой недосказанностью.

Почитай уже два месяца отделяло их от той роковой черты скандального свидания, перешагнув которую, оба потом начали осознать, из телефонных разговоров, переписки, что они всё ещё милы, близки, необходимы друг другу в жизни. И вот сегодня придвинулось то время, когда в половине восьмого утра Егор, весь начищенный, набищенный должен дефилировать с цветами по платформе вокзала, чтобы с приездом поезда в Севастополь выказать своё почтение любимой женщине, заверить в благонамеренности шагов, сделанных им к обоюдному сближению. Молодой офицер, ищущий руки супружества, видел в этой встрече добрый знак, поданный свыше, в их дружбе и любви, однако...

Ночное безмолвие висело в каюте, как непрочитанная берестяная грамотка. Евстафьев всё ещё пребывал в беспокойном забвении, в совершенном неведении насчёт участи их брака, однажды уже отвергнутого ими. И вдруг в период борьбы с дремотой случилось с ним привходящее обстоятельство. Ему показалось, что лишь на короткий миг смежил веки; а в следующую минуту его тело будто бы молнией прошла неведомая сила. Испуганный, он раскрыл глаза, — в каюте мерцают мягкие плюшевые сумерки, у бортового шпангоута серебрится блюдец иллюминатора. Жуткая догадка обожгла рассудок: проспал! Егор вскочил, заметался словно угорелый. Оделся на скорую руку, сунул в карман шинели будильник, слабый свидетель его защиты, выдернул из вазы букет роз и, скользнув тенью приведения на сходнях, рванул мимо дежурного по пирсу к шоссе, к чёрту на куличках.

«Здравствуй, милая моя! Долго ждался я тебя...» — метроном стучали в висках слова язвительной частушки. И чем выше карабкался по выбоитой тропе обрывистого берега, тем больнее жалил себя: «Эх, ты, жених—чих! Голова — лампа с закоптелым стеклом, невымытый — небритый... Стыдоба!»

Взобравшись на кручу, Евстафьев перевел дух и ощутил боль в пояснице. Он понимал, что нужно перетерпеть, во что бы то ни стало, выжать оставшийся запас сил. Окинул взором мгlisto-белый Севастополь, лежащий справа на плоскогорьях, гладь бухты, неплотно укрытую дымчато-синей вуалью, тёмные силуэты кораблей с судовыми огнями, напоминающих воздушные замки. И снова — ноги в руки, где бегом, где скоком по гулкой известняковой земле, расшитой побурелой травой, безлистными кустиками, обсеянными крупной изморозью. Зубы его скрежетали в ярости и злобе.

А вот и освещённая площадка остановки у шоссе. Под навесом — знакомый дворник с метлой. Скинул кепку, мотнул кудрями, похожими на витое кавказское серебро с чернью, выпалил:

— Моё почтение водителю безумных кораблей. С Рождеством Христовым! Помогай тебе Бог!

Улыбкой прижмурились серо-синие глаза Евстафьева. Ответил:

— С праздником, Михалыч! Держи рубль, чекушку приголубь.

Они обручались крепким пожатием, и Егор взлетел на подножку подошедшего троллейбуса. Вконец измученный, уселся на свободное место и, утишая страсти-мордасти, окинул взором полупустой салон с раз-

ношерстной публикой. Пассажирский кузов качало и несло в предрассветной дымке. Егор поминутно оглядывался по сторонам, фиксируя фонарные пучки света, ощущая, как под днищем со свистом раскатывается полотно дороги.

Заприметив на задней площадке цыганок, скептически усмехнулся. С одной стороны, он недолюбливал племя ворожей и гадалок, прожжённых плутовок, порождавших в нём ощущение брезгливого страха; с другой, он всеми фибрами своей души благоговел от таборных романсов, танцев, потрясавших его эмоциональностью порывов, накалом кипящих страстей.

Сейчас его усталое, словно избитое тело расслабленно покачивалось на сидении, но спокойствие и благоденствие не спешило брать в полон. Колобродили мысли, связанные с временным проживанием и отдыхом Инны в Севастополе. Ощупав тугой нагрудный карман с месячным денежным содержанием, выданным ему наперёд, облегченно вздохнул.

Чтобы отвлечься от окружающей обстановки, извлёк из шинели будильник и стал прикидывать в уме: «Поезд по расписанию приходит через пять минут. До вокзала мне ехать семь, ещё минуты три пехтурой до вагона.... Вот незадача, опоздаю! Ох, и расфырчитесь Инна».

Егор, кроя в сердце досаду, легонько щелкнул ногтем по стеклу циферблата, — и, как град среди лета, рассыпался трезвон. Почувствовав на себе пытливые взоры пассажиров, накрыл ладонями часы. И вмиг осенило: «Моя ошибка! Стрелку боя установил не на шесть утра, а на семь тридцать — время прибытия поезда. Вот и прокукарекали аккуратно на рассвете».

В салоне разнеслись весёлые голоса: — И куда это офицер ни свет, ни заря курс держит?

— По рыбам, по звёздам. Сочельник отметил у одних, а на Рождество к другим поспешает.

— А то! Мешки под глазами. Видно, всю ночь в толпу кидал уголёк...

Цыганки тоже вертелись, как бесы перед заутреней. Молодая особа в кашемировой шали исподлобья взглянула на него несколько раз с особой пристальностью. Потом нагнулась к подруге с гитарой и шепнула что-то, указывая на Евстафьева кивком. Сердце офицера ёкнуло: «Они меня на прицел взяли». И вдруг на ум ему пришла одна весёлая идея: «Погодите, чертовки, я вас в силос заарканю!»

В это время он увидел поезд, выползающий из Инкерманского тоннеля. Сцепка вагонов зелёной змейкой огибала по каменной луке насыпи рейд Южной бухты, чьё зеркало воды было усеяно маломальскими судами. В глазах Астафьева появилась лучистая теплота: «Там Инна, там Инна.... Узнает про будильник — обхохочется!»

Он спрыгнул на троллейбусной остановке и, перескакивая через ступеньки виадука, скатился к вокзальной площади. Обдало гулом кишашего многолюдства. Течение толпы подхватило его и понесло к платформе среди носильщиков, кричавших своё «поберегись!» лужёными глотками, которым для звонкости не хватает граммов ста.

Евстафьев почувствовал, как внутри будто отпустили какую-то тугую закрученную гайку, прежде не дававшую свободно двигаться, думать. В груди забегали озорные живчики, сердце заломило от радостного предощущения: «Надо встретить Инну по-особенному. На какой бы фортель подняться? Ах, да, цыганки с гитарой!...» Егор дёрнулся с места, махнул рукой проскочившему мимо с тележкой здоровяку в форменной фуражке.

— Носильщик! Носильщик!.. Тут поблизости молодые цыганки метут юбками асфальт. Доставь их ко мне, не обижуй! Пусть споют величальную песню. А это тебе задаток, — и многозначительно подмигнув, положил в его фартучный карман купюру.

Здоровяк посмотрел на офицера заплывшими глазами, подыграл:

— Есть, ваше флотское превосходительство! Как пить дать, доставлю.

Из-за поворота, одобряюще подсвистнув, выкатился ленинградский поезд. Рельсы тихонько застонали, как бы оживляясь; и вдруг гулко загрохотали под сводами перрона. Народ на ровной возвышенной площадке вдоль полотна замешкался, закружился пуще прежнего. Перемогая тоску, Егор высматривал ангельское личико Инны в каждой окошке следовавших мимо вагонов, и не находил. От оцепенения запершило в горле. Расстегнул шинель, белый шёлковый шарф заткнул в карман и двинулся вдоль состава.

Возле уже засновали по платформе с дорожными рабочими в оранжевых куртках. Всякие страхи лезли в голову Евстафьева, недоумевал: «Что же случилось?... Да, что-то стряслось. Инна не могла просто так не приехать. Надо срочно переговорить с ней». Внезапно охваченный непреодолимым страхом, Егор позвонил в Ленинград. Стиснув трубку, прикрыв глаза ладонью, сказал: — Ну, слава богу! Рад слышать, Иннушка. Ты отменила поездку? Я так ждал тебя, надеялся...

В ответ удивительно сухой, равнодушный голос:

— Егор, я хочу объяснить с тобой на чистоту. И может быть, в последний раз.

— Ты чем-то разобижена? Есть претензии?

— Знаешь, Егор, опостыло быть на птичьих правах. Хотя сейчас прилечу к тебе на самолёте. Но при одном условии: совсем и навсегда.

— Это несерьёзно, Иннушка. Через десять дней мы уходим в дальний поход. И надолго...

— Значит, не судьба... Меня не устраивает роль перелётного гостя: сегодня здесь, завтра там, видется урывками от случая к случаю. Хочется настоящего, а не призрачного счастья. Я уже не юная девушка...

Егор с острым беспокойством слушал Инну. Пытался убедить её, рисовать картины их счастливого будущего. Он старательно подбирал нужные слова, отыскивал весомые аргументы, приходившие на ум, — всё как об стену горох. И тогда вынужден был сказать:

— Иннушка, никакие серьёзные проблемы по телефону не решаются. Потому ждал тебя — объяснить на чистоту, откровенно... Мне тоже не хватает твоего внимания, тепла, жить одному невмоготу. Но самый трудный путь у нас позади. Не горячись, потерпи ещё немного. Я беспомощен сейчас, предпринять что-то. За душой своего ничего нет, я крыса корабельная...

Евстафьев, словно в тумане, вышел с междугороднего телефонного узла. В голове стояла какая-то гудящая пустота. «Ты дурак, sentimentalный дурак!» — язвил на свой счёт от запоздалого чувства раскаяния, упущенных возможностей. Они жгли его, сотрясали яростной лихорадкой. И потому мнилось, что все на него оглядываются, видят, какой он слабый и жалкий...

Егор и в самом деле таким себя ощущал. С ним творилось что-то неладное. То вдруг обнаруживал, что, как шлюпка на причале у причала, колыхается на одном месте; то вдруг осознавал, что уже перешёл привокзальную площадь, не заметив пёстрой сутолоки, не слыша голов, криков, плача детей. А когда нащупал в кармане будильник, полтора года назад подаренный Инной в день выпуска из училища, бессмысленно повертел его в руках и, не отдавая отчёт своим действиям, бросил в урну, точно не нужную сломанную игрушку.

Нервы Егора явно сдали. Всякий раз, вызывая в памяти лицо и голос Инны, он ощущал такой нежный прилив в груди, что ему хотелось разрыдаться от безнадёжности положения. Однако где-то на доньшке сознания мерцала и другая мысль: «Может, в конце концов, всё образуется? Глядишь, перемелется — мука будет».

— Эй! Офицер-красавец! — позвал чей-то ломкий голос и захлебнулся.

Егор не обратил внимания на окрик. Но в следующую минуту кто-то дёрнул его за рукав шинели. Он обернулся. Стоит троллейбусная цыганка с непокрытой головой, на шее яркий платок с кистями, повязанный узлом.

— Ищу его, ищу, а он вот где! Петрович от тебя привет передал... На картах погадать? Или под гитару песни спеть? Тебе что надо-то?

Егор, кроя в сердце тоску, тяжело вздохнул, съязвил:

— Что «надо» — не нашего фасада, — с горечью махнул рукой, спросил: — Тебя как кличут, смуглянка?

— У нас кого «кличут», зовут Кликуша, а меня величают — Мавруша! — протараторила она. И, гордо вскинув полумесяцы черных бровей, обвела его оценивающим взглядом. — Вижу, офицер-красавец, вижу! Счастливи будешь, богат будешь... — И запрошайничала: — У меня сестра заболела, надобность позвонить. Позолоти ручку, я своё отработала! — и протянула ему тонкую ладонь.

Егор, покопавшись в кошельке, передал ей червонец.

— Вот спасибо, вот спасибо, — запричитала цыганка, не сводя с него лукавых тёмно-карих глаз. — А я ищу, бегаю — не допросишься. Ух, жадюги! А ты меня выручил, ох как выручил! Бедная цыганка не знает даже, как тебя благодарить.

— Какие пустяки! — отмахнулся Егор. — Сочтёмся.

— Сочтёмся, коли сойдёмся, — подсахаривала ворожея. — Я тебе, офицер-красавец, задаром погадаю, — и неожиданно, смахнув с русоволосой головы фуражку, восхищенно зацокала языком: — Какие линии на лбу! Большое счастье ждёт!

Евстафьев кисло улыбнулся, забрал флотскую фуражку.

— Такое большое, что по суше не свести, не переправить морем.

Цыганка гордо откинула назад голову. — Не подумай, мне твоя денежка не нужна. Ты купюру дал, ты меня выручил — я тебе за это судьбу открою.

Егор отшатнулся:

— Я и сам всё знаю о себе на много лет вперёд.

— Э-э, офицер-красавец! Я что глазами увижу, то пальцем наворожу...

Прохладный крымский ветер косматил её черные волосы, спадавшие на плечи; пуховая жакетка туго обтягивала торс, юбка вилась у колен.

— Ну ладно, — сдался Евстафьев. — Беда за бедой, волна за волной...

Не успел моргнуть, а цыганка выдернула на его виске волос. Попросив носовой платок, аккуратно положила на утирку. И как-то сразу вся подтянулась, упиваясь заученной ролью предсказательницы. Приоткрыла грудь — на, гляди! — и вытащила спрятанное зеркальце.

— Кого, офицер-красавец, хочешь видеть? — спросила она чуть нараспев. — Друзей своих или врагов?

Егор колебался, но вспомнив Инну, сказал с лёгкой иронией:

— Ну, если ты, Мавруша, всемогущая, покажи мою возлюбленную...

Цыганка озорно улыбнулась, кокетливо повела плечиком:

— Всё, что буду говорить, повторять за мной слово в слово, — и забормотала в утиральник на своём неведомом наречии.

Евстафьев, поддавшись сомнительному искусу, уже ничего не мог с собой поделать. Отрезало напрочь, кто перед ним, что за чудовище! Вон и прохожие многозначительно, с едкой иронией посматривают в их сторону.

— Ты чего молчишь? — ласково, но твёрдо спросила ворожея. — Повторяй за мной!

И она снова залопотала незнамо что. Хотя Егор и не верил в цыганские рассказы про нечистую силу, но, потеряв самообладание, стал ей вторить вслед. Игра незнакомых слов забавляла его, и когда он, еле сдерживая смех, готов был прыснуть, ворожея сунула ему под нос зеркало.

— Видишь свою милашку?

Егор в изумлении завертел головой и, подражая её манере, ответил:

— Прости, красавица, ничего не вижу.

Поэзия

Василий ДВОРЦОВ

Василий Дворцов. Стихотворения. Серия: Современная русская поэзия. — М.: РИД «Российский писатель», — 2011. — 107 с.

Анфиладой дней бескровных
Мы проходим в полумасках.
Шаг размеренный и ровный,
За спиной слуга с подсказкой.

Мы, наверно, короли.

Камни на перстнях играют,
Парики сияют пудрой.
Где-то музыка витеает.
И слуга удобно мудрый.

Ты смотри только вперёд.

В канделябрах вянут свечи,
В кракелюре пыль шпалеры.
Дамы обнажили плечи,
И склонились кавалеры.

Лишь хромающий слуга.

Отчего-то очень зябко,
Отчего-то очень странно.
Оглянуться бы украдкой —
Но тогда всё станет явно —

Он в костюме палача!

Мы сдвинем города
И сядем рядом.
Косматая звезда
Увязнет садом.

В сплетении ветвей
Забьёт лучами.
Ладонь твоя в моей
Сожмёт печали.

Смещая русла рек,
Хребты сминая,
Вернётся беглый век
К исходу рая.

Где росный вертоград
На сонном склоне,
Безмолвный звездопад,
Ладонь к ладони,

Где помнят всё всегда
Не осуждая...
Мы сдвинем города —
К порогу рая.

ПИСЬМО ДУХОВНОМУ ОТЦУ

Помолись за меня, мой отец,
Помолись за пытливую душу,
За достойный исход, за венец,
За звезду сквозь враждебную стужу.
Помолись за меня мой отец.

Как я верю? — я тем лишь и жив,
Я люблю и надеюсь покорно.
Но глубинный звериный надрыв
Запирает опухшее горло:
Звук шагов, красный цокот копыт,
Серых улиц кривые овраги —
Всё знакомо — и крики, и флаги,
Но извечное Нечто томит,
Сеет в небе неясные знаки.

...Я ль не гиб, не гулял, не играл? —
Грязный шприц зажимая в карманах,
Я ль повсюду себя не искал,
Рассыпая свой жемчуг в дурманах?
Обнажённый, босой и ночной
Выходил на дневные вокзалы —
Сумасшедший — безглазый — больной —
Я ли не был людскою забавой,
Безнадёжно, казалось, больной?..

Но скудеет мой пыл наконец.
Лишь пронзительней очи и суше.
Помолись за меня, мой отец,
Помолись за заблудшую душу...
Где-то близко шепнули: «Мертвец».

ПЕРЕДЕЛКИНО

Ты здесь. Ты рядом. Ты со мной.
Коснусь волос и захмелею.
Парк за окном размыт весной,
Дождь морщит лужи по аллеям,
Сжимая снег в подножьях елям.
Парк. Дождь. Весна. И ты со мной.

Скользя сиротской наготой,
Полнеба оцепили кроны.
В раскачку, встык, наперебой

Топорщатся немые стоны.
Но глухи тучные заслоны,
Никто не слышит боли той.
Коснусь волос, вдохну тепло.
И где ты, ветер законный?
Где туч сырое полотно,
И колких капель шорох сонный?
И парк, ознобно обнажённый?
Всё — там. А тут вдохну тепло.

По коридору чей-то быт
Горнит альтами и басами.
И голос горничной сердит.
По телевизору цунами...
Жара сменяется снегами...
Пролёт над Ливией закрыт...

Но чуть коснусь твоих волос,
Быт обернётся Белым светом.
И что желалось и клялось,
Казалось зовом и запретом,
Разбросанном на том и этом —
Всё унеслось. Иль вознеслось.
Тепло. И хмель
Твоих волос...

СИБИРЯК

В моей крови течёт моя страна:
Ленца Днепра и бурный нрав Амура,
Седого Волхова негромкая волна
С Кубанской мутой вешнего разгула.

Во мне связались солнечным узлом,
Сплелись, свелись Господними путями
В единстве объяснимо непростом
Хохол, маньчжур, казак и северянин.

Тесно плечами Запад и Восток,
Ушкуйный свист в усах Тмутаракани.
Но горькой желчью прожигает бок
Чернь Томских изб в крапиве и бурьяне.

Смиренье и бунтарство — маята
В моём сердцебиении и дыхании,
А облаков предгрозных полнота —
Мои моления и мои дерзання.

Котомка-память семени хранит,
Что станут виноградом и пшеницей.
А под пятою сонный рыба-кит...
А в волосах гнездящиеся птицы...

Четыре края с памятью кровей,
Такая щедрость многим и не снилась!
Я переполнен Родиной моей —
Она на мне
во мне
перекрестилась.

Я тебе расскажу, — ты лишь слушай! —
Расскажу о пожарах в снегах,
О восторгом опоенных душах,
Что кружат в грозовых облаках.

Я тебе расскажу, — ты доверься!
Про великий и малый миры,

Про Стожар и Чигирь, про медведиц,
Про подводной хозяйки дары.
Ты доверься и слушай, и слушай:
В той дали, где я жил без тебя,
По границам меж хлябью и сушей
Лебединые девы трубят.

Реки там не познали пределов,
И ветрам заграждения нет.
Люди искренни, мысли их смелы...
Там закат зажигает рассвет.

В ковыли оседают курганы,
Древних воев и полубогов.
И томятся во льдах караваны
С каспийских зайдя берегов.

Бивни мамонтов сломанным лесом
Стелют гати бескрайних болот...
Ты поможешь меня, ты доверься —
То тебя моё время зовёт.

С.

Там, за стеклом, снега, снега.
И Петербург всё ближе, ближе.
Ночных просторов жемчуга
Стальной иглою поезд ниже.

Искрит качание равнин
Под такт качаниям вагона.
«Одна ты там... тут я один...» —
Гремит на стыках перегона.

Разбит, разрыт, разворошён,
Лицом в стекло, лицом в метели.
А там безвидный белый сон,
Остывшие полей постели.

А там забытое для всех,
Ничьё томленье и сомненье.
И мой порыв или побег —
Судьбой смешное возмущенье,

Попытка тысячам причин
Предать в последствия законность.
«Ты там одна ... я тут один...»
Твердит стальная многотонность.

Стыкуя временной раскат
Стучат колёса в искрах пыли.
«...а снегопад — как звездопад...»
Ожгли слова. И осветили.

Деревьев разрежённый ряд
Прозрачным гребешком в тумане.
А снегопад — как звездопад! —
В нём невозможно без желаний!

Как невозможно без любви
В ночном раскачанном вагоне:
Циклон в полях, метель в крови,
Судьба в разгоне и возгоне.

Там, за стеклом, поля летят.
Метётся белая пустыня.
На стыках скоростной набат:
«А снегопад — как звездопад!»
А снегопад — как звездопад...»
И эхом, эхом твоё имя.

ПРОЗА

(Окончание. Начало на стр. 6)

— Э-э, надо бумажную денежку положить, — сказала она озорно, без оглядки. — Ты не бойся, офицер-красавец! Что положишь, то и возьмёшь.

Ворожея придвинула к нему смеющееся, почти доступное поцелуям лицо, настраиваясь на волну гулких ударов мужского сердца. Тёмно-карие зрачки заработали, запылали, как у филина, в расчёте на лёгкую поживу.

Почувствовав веер горячего женского дыхания, Евстафьев часто заморгал, будто веки опухли жарким ветерком. Какая-то лихая удаля влилась в него, вскружила голову, и он полез в нагрудный карман.

— Больше бумажных денежек — легче гадание, — увещевала плутовка. — Отдувайся кошелек, богатому всё впрок.

Егор, околдованный её чарами, даже не пошевелился, когда она бесцеремонно запустила тонкие пальцы в портмоне, извлекла месячный оклад, выданный на месяц вперёд. Вместе с волосом завернула в носовой платок и запричитала:

— Сейчас ты увидишь свою любимую, желанную. Повторяй за мной слово в слово: «Деньги — это вода, проходящая сквозь пальцы, омывающая наши глаза, обостряющая слух, возбуждающая острые желания...»

И закрутила, заворочила Егора не на жизнь, а на смерть. Растроганный таинством гадания, он робко улыбался, смотрел в глаза цыганки. А та, приняв его улыбку за одобрение, разошлась ещё пуще.

— Обжегшись на молоке, дуй на воду, — поднесла к его губам узелок и приказала: — Дуй сюда, дуй изо всей мочи! И в тот момент, когда Егор выпустил ртом сильную струю

воздуха, руки цыганки проделали непонятную для непосвященных манипуляцию и оказались пустыми.

Евстафьев, ничего не понимая, робко спросил:

— А где платок, Мавруша?

— Э-э, офицер-красавец, не торопись, — цыганка мотнула непокорной чёрной гривой, встряхнула пальцы. — Гадание ещё не окончено.

— Окончено, не окончено.... Где деньги, спрашиваю?

Меж тем несколько таборных цыганок обступили их тесным кольцом.

— Вот нетерпеливый! — всплеснула руками ворожея, обращаясь к подружкам. — Я ему судьбу рассказываю, а он про денежки! — и уже Егору: — У меня сестра больная. Ты дал мне червонец позвонить ей? Да! Попросил меня погадать? Попросил! Вот я тебе и гадаю. Ха-ха-ха!

От этих слов Егора бросило в жар. Бесноватый хохот раздирал душу. Он понял: упав в воду, сухим не вылезти. Да мокрым не хотелось быть.

— Я у тебя ничего не просил, — наступал Егор, выпрямившись и сжимая кулаки. — Ты куда дела деньги?

— Какие деньги?! — гадалка подёрла бока руками, с надменной самоуверенностью повела головой снизу вверх; она вся исходила скользким ручьиным смехом, в её сужившихся глазах мелькнуло победное торжество: — Ты думаешь, если цыганка, то продажная?! Уступит себя за деньги?.. Поласкаться ему, видишь ли, захотелось. А ещё офицер! Не следовало вам такими делами заниматься... Грех!..

Слова были произнесены с такой намеренностью и грубостью, что Егор невольно подумал: «Эх, не зря говорят: не трогай лихо, пока оно тихо».

Таборные подружки ахали, делали экивоки, осклабляли рты. А чумазы цыганята, крутившиеся у длинных юбок матерей, казалось, только и ждали этого. С криком, с визгом накинлись они на Евстафьева, дёгая за полы шинели:

— Офицеру баба нужна! Офицеру баба нужна!

К ним потянулись любопытные прохожие. Сбитый с толку, Егор покраснел от стыда: им овладело чувство гадливости и отвращения. Хуже того, ощутил на себе тяжёлый взгляд. Повернул голову — стоит морщинистая цыганка. В тёмных глазницах её, как жала, дрожат светлые язычки.

— А мы разве трогаем кого-нибудь? Что тебе надобно от нашего бедного племени? — спросила она задыхающимся голосом, переходящим в сиплую обрывающуюся фистулу. — Иди, офицер, иди своей дорогой.... Иди, иди, пока не обмазали с головы до пят, не вывалили в перьях.

Евстафьев видел, как по её лицу скользнуло выражение презрения. Совесть его была чиста, и, ни разу не сморгнув, выдержал испепеляющий взор седовласой мегеры. Сердце его облилось кровью, — он не знал, что делать, как поступить. Идти жаловаться милиционерскому начальству, что его карман очистила молодая цыганка, а нечестивцы, сопливые пацаны и древняя старуха, брали на испуг? — было смешно, не по-офицерски.

И Егор, не оглядываясь на собравшуюся толпу зевак, стал выправлять курс на «Гвардеец», сделавшийся и его крепостью, и его родным домом.

Не прошло и минуты — за спиной Евстафьева знакомо задребезжал будильник, подобранный цыганами. А вслед за ним, по иронии судьбы, раздался и запоздалый свисток блюстителя правопорядка.

ПАНОРАМА

Абинские родники

Презентация юбилейного сборника стихов членов литературного объединения «Родники Абинска» совпало в декабре с днём Святителя Николая. Это добрый знак и благословение, так решили все. «Родники» – желанный, долгожданный плод двадцатилетних творческих исканий и находок. Предшествовало его появлению рождение многочисленных сборников поэзии и прозы, изданных авторами в разные годы.

Отрадно, что районные власти взяли на себя финансирование издания, за что «родниковцы» им безмерно благодарны и выражают признательность заместителю главы района по соцвопросам Ирине Николаевне Ельчаниновой, начальнику управления культуры района Людмиле Александровне Сожиновой, работникам библиотеки, в зале которой прошла презентация книги. А также постоянному издателю в лице директора типографии г. Абинска Ирины Ивановны Малиновской.

Особую пронзительность и весомость этой книге придаёт то, что ни один из авторов не забыл упомянуть свою малую и большую Родину. В стихах Сергея Антонова, Виктора Карпова, Марии Лукьянчук, руководителя ЛИТО, Киры Старостиной звучат вопросы, на которые давно пора ответить, ведь умирает русская деревня, спивается сельское население, далеко не каждая женщина способна сегодня стать матерью.

А вот напевные строки из стихотворения Матрёны Сухобок-Дашченко:

*Словно стадо овец – ковыли
Оземь трут свои космы густые...
Автор рисует словом:
Лёгкой дымкой туманится даль,
Сизой тиной покрылись запруды,
Только лес – как старинная шаль...*

Боль за Россию в стихах Александра Шепелина, заместителя руководителя ЛИТО, Татьяны Павловой. Но в их строчках и надежда на силу, мудрость своего народа. Пожалуй, сопереживание, исповедальность, жертвенность и вера в Россию – относится ко всем авторам. И этому есть объяснение.

Я вспоминаю сцену, свидетелем которой стала однажды. В подземном переходе, у стены, на полу, сидела в полудрёме пьяная растрёпанная женщина. К ней жались двое её детей лет пяти-шести, а младшая, годика четыре от роду, старательно причёсывала ей грязные запутавшиеся космы массажной расчёской. Она приглаживала волосы матери маленькой своей ладошкой с такой неподдельной нежностью, что я содрогнулась от жалости и удивления. И дети никуда не рвались, не убежали! А ведь благополучных детей попробуй удержать на месте, даже ненадолго!

Эти же стояли возле матери, хотя их никто не призывал. Понимали они, если уйдут, потеряют мать и сами пропадут...

Нечто подобное происходит сейчас между великой Родиной-матерью и любящей её провинцией, преданной ей навеки. Поэтический сборник «Родники Абинска» – молебен о России, о её воссоединении в духовном и историческом пространстве.

*Как нас – и тех, при Игоре живущих,
Соединить?
Продеть сквозь наши родственные души
Живую нить? (Валентина Фисай)*

В представленном сборнике есть лирика «чистоты горных родников»:

*Коромыслом радуги
Март весну несёт,
Солнце, светом радуга,
Облака пасёт... (Н.Ермакова)*

Хочется верить, что «Родники Абинска» напитают души читателей светом созидющего добра и животворящей веры.

Тамара Котова

Поэзия

ИВАН ПАНЧЕНКО (И. Романо)

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ

Возможно ли, что я забуду это?
Слезом память скатиться с ресниц.
Я помню умирающее лето.
Палатки наши – стаю белых птиц.

Дожди и ветры осенью их били,
Вот мокрый снег под вечер повалил.
А в таборе все молчаливы были –
Печальный табор лето хоронил.

Там на лугу издохла ночью лошадь –
Последняя у Мато-бедняка.
Цыган стоял, на пень лесной похожий,
С уздой, уже ненужною, в руках.

А снег валил – палатки провисали.
Сынишка Мато плакал о коне.
Мы из села цыганок ожидали –
Узнать, найдем ночлег там, или нет.

А поутру телеги загрузили,
Следы колес перечеркнули луг.
Уродливые, черные спешили
Повозки наши к сельскому теплу.

Терпи, мальчишка,
Ведь хлеба нет.
Ну, что кричишь ты,
Не веришь мне?

Ушли ведь мамы,
Ты что – ослеп?
В селе обманут –
И будет хлеб.

Вернутся скоро.
Сейчас, сейчас.
Мешок, что короб!
Весь хлеб – для нас!

Большущий самый
Возьмешь кусок,
...А вдруг у мамы
Пустой мешок?!

Я был обманут ловко очень,
Какой-то тип умело врал.
Обман обдуман был, отточен,
Как в спину кинутый кинжал.
И все в компании острили:
«Какой же, парень, ты цыган,
В тебе цыгана-то убили,
Коль поддаешься на обман».
И я ушел, и хлопнул дверью.
Да, я цыган уже не тот.
Я вижу свет, я людям верю.
И ложь той веры не убьет.

МАТЕРИ

Мать моя не читает книг,
Потому что читать не умеет,
Взгляд усталый к дорогам привык –
К тем дорогам, что жизни длиннее.

Говорила она мне не раз,
Брось пустое занятие, сыночек,
Книги – это совсем не для нас,
Что ты ищешь в корявости строчек?

Лучше б ты к лошадям привыкал,
Поучился у деда родного,
Видел ты как вчера он сменял,
Вороного коня на гнедого.

Годы, годы прошли чередой...
Наше прошлое стерлось и смялось.

Где-то сдох по дороге гнедой,
Лишь нагайка на память осталась.

И когда заблестит огонек,
Ночь уйдет за окно, за ворота,
Просит мать: «Почитай-ка, сынок,
Что получше – послушать охота».

Ей читаю, в глаза ей смотрю,
И какой-то другой она стала,
Все мне кажется: маму мою
Так безжалостно жизнь обокрала.

МЫ МОЛЧА ПЫЛЬ ГЛОТАЛИ

Мы молча пыль глотали,
А пыль глотала нас.
И овцы шли устало
Уже не первый час.

Пришел скорей бы вечер,
Из рук бы бросить бич,
Отаре вдруг на встречу
Бордовенький «Москвич».

В нем девушка сидела,
Сиреневый платок,
А за рулем с ней рядом
Что надо паренек.

Но мне какое дело,
Им посторонний я.
Но девушка глядела,
Глядела на меня.

Лицом стекла касалась,
Веселости полна.
Язык вдруг показала
По-детски мне она.

И тот час мои губы
В улыбке разошлись...
Какой бывает грубой,
Какой прекрасной жизнь.

Там, где наши палатки стояли,
Где я щавель искал меж кустов,
Трактора по весне грохотали,
Бились осенью волны хлебов.

Я увидел, как трудятся люди
На уборке деревню всей,
Превращают и праздники в будни,
Капли пота роняя с бровей.

О, великая эта работа!
Там мне истина стала ясна:
Тот, кто землю засеивал потом,
От нее и получит сполна.

О ЦЫГАНСКИХ ПОЭТАХ

Может были они, поэты,
Может пели под скрип колес,
Только песни цыганские эти,
На страницу никто не занес.

КАРТОШКА

Вдалеке от палаток
(Ночь – ни зги не видать!)
Дед седой и горбатый
Нас учил воровать.

Нам наука понятна,
Помню деда слова:
«Доставай аккуратно,
что б стояла ботва».

Мы в картошке лежали,
Подобрав животы.

Клубни мы доставали,
Не тревожа ботвы...

Наступили бы сроки
Через несколько лет,
Мне такие уроки
Пригодились бы, дед.

Став цыганом беспечным,
Я украл бы коня.
Самодельной карточью
Кто-то б срезал меня.

Светлой памяти артиста
Бийского драмтеатра
В. Шалагина

Антракт. За сценой Будулай,
Задумался и что-то брови хмурит.
Он погружен в цыганские дела, дела,
И, отрешенный, сигарету курит.

У Будулая светлые глаза –
На самом деле это мало значит.
Мой родич мне уверенно сказал:
«Артист – цыган!
Не может быть иначе!»

Я промолчал – пусть думает старик,
Что мы повсюду в новый мир врастаем.
Я даже перешел на наш язык,
Когда сидел в антракте с «Будулаем».

МАЛИНА

Ах, малина, малина!
Ах, как много ее!
Мы с цыганкой Галиной
Средь малины вдвоем.

Ни о чем мы не знаем,
До овец разве тут!
Сладость эту глотаем,
Смяв легонько во рту.

Мы могли бы до ночи
Быть в малинике том.
Вдруг копыта грохочут:
Дадо* скачет верхом.

– Где же овцы, детина?
Бич сжимает рука...
И во рту вдруг малина,
Как калина горька.

* Дадо – отец

ЕЙ ДАВАЛИ...

Ей давали и хлеб, и сало –
Отмахнулась: никак нельзя!
«Я же, люди, за так гадала.
Ой, пойду, засиделась я...»

Муж усталый пришел с работы,
Прибежала она домой...
«Ты, гадала? Одна забота!
Что же делать-то мне с тобой?»

Что взяла? Не коней ли пару?
Ах, какой от людей мне стыд!
«Я гадала, пойми ты, даром!» –
И заплакала вдруг навзрыд.

И у мужа весь гнев утрачен,
Он сидит, каблуком стуча.
Удивлен, что она так плачет –
Не от брани,
Не от бича.